

ВЛАДИМИР ВАРВАРОВ

Полет на войну

РАССКАЗ ОФИЦЕРА МОРСКОЙ
ПЕХОТЫ

УДОСТОВЕРЕНИЕ
К
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАГРАДЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимир Варваров

**Полет на войну. Рассказ
офицера морской пехоты**

«Издательские решения»

Варваров В.

Полет на войну. Рассказ офицера морской пехоты / В. Варваров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963534-1

Это новая редакция рассказа «Полёт на войну», рассказывающая об участии одного из подразделений батальона морской пехоты Северного флота в боевых действиях в Чечне в январе — марте 1995 года. Рассказ в первой редакции был размещён в интернете и публиковался в некоторых журналах и сборниках.

ISBN 978-5-44-963534-1

© Варваров В.
© Издательские решения

Полет на войну

Рассказ офицера морской пехоты

Владимир Варваров

© Владимир Варваров, 2019

ISBN 978-5-4496-3534-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемые читатели!

Предлагаю вашему вниманию мои воспоминания «Полёт на войну», отредактированные более чем через двадцать лет после того как они были написаны. Конечно, творческая работа, сделанная «по свежим следам», всегда представляет особую ценность. Однако когда к совсем «горячим» воспоминаниям и «живым» эмоциям добавить ещё и переосмысление происшедшего через призму жизненного опыта, то можно вдохнуть в написанное что-то новое, можно попробовать оживить интерес у сограждан к не самым приятным страничкам истории нашей страны. Рассказ был написан в 1996 году, через год после того, как десантно-штурмовой батальон 61-й бригады морской пехоты Северного флота вернулся из своей первой чеченской командировки. В данном повествовании я стараюсь больше рассказывать о жизни в непростых условиях людей-военнослужащих, попавших в экстремальную ситуацию, нежели описывать различные военные события, происходившие с ними. В этом рассказе я, заместитель командира миномётной батареи, рассказываю о своём подразделении. И в первой, и в обновленной редакции я опираюсь на свои тогдашние (возможно, и не всегда верные) знания, восприятия, чувства и эмоции, делая, как уже писал выше, совсем небольшие корректировки. В новой редакции, в отличие от первоначального горячего варианта, появились ссылки на воспоминания моих товарищей.

В наше время всё реже вспоминают о военно-политических событиях того времени – середины девяностых годов ушедшего века. Сегодня мало говорят и рассказывают о людях, вставших на пути распространения бандитизма и беззакония и сумевших ценой своего здоровья и жизни остановить террористов. За прошедшие десятилетия после этой войны очень многое изменилось – с высоких трибун «ветераны» политических движений и молодые деятели много говорят о патриотизме и любви к Родине, сыновья многих из тех, кто стрелял в меня и моих друзей, чувствуют себя хозяевам жизни в больших и маленьких городах нашей страны. Простые же ребята, с честью выполнившие свой воинский долг, живут и трудятся во благо своих семей. Живут без особой гордости за своё далёкое героическое прошлое, живут, подчас стесняясь показывать даже близким людям свои заработанные кровью боевые ордена и медали. Про них не снимают фильмы и уже совсем редко вспоминают средства массовой информации. И многое из того времени, к сожалению, постепенно забывается.

Как-то раз мне самому довелось стать участником ситуации, когда в одном из трудовых коллективов на предложение пригласить на обязательные мероприятия по чествованию участников Великой Отечественной войны (таковых, увы, по возрасту, на этом мероприятии уже не было) ветеранов и участников локальных войн и конфликтов руководство отреагировало с откровенным непониманием сути этого предложения. Встречались и ещё более интересные эпизоды, из жизни определённых организаций, когда в День защитника Отечества – 23 февраля – чествованием людей, никогда не державших в руках боевое оружие, занимались люди – настоящие защитники, которые не вписывались в списки достойных в рамках проводимых празднеств.

Почему так получилось и получается? Что это – просто наглость отдельных руководителей, зависть, а может обыкновенная трусость? Работник, который в свои восемнадцать-двадцать лет уже всё и всем доказал, не прогнулся и не сломался в самой экстремальной жизненной ситуации – и на него можно накричать, наказать, незаконно уволить. И вот он, этот отдельный руководитель, который в силу различных обстоятельств занимает свой пост, а по жизни ничего не добился и особо существенного не сделал (разве что возможные достижения его оплачены большими гонорарами). И в праздник 23 февраля, в День защитника Отечества, нужно, обязательно поздравить в первую очередь этого руководителя, а потом, если вспомнится, можно поздравить настоящего солдата. Но что бы ни происходило в нашем обществе, какие бы политические конъюнктуры ни главенствовали, я, как и все мои друзья и однополчане, наши матери, отцы, жены и дети, никогда не забуду про тот настоящий человеческий подвиг, который совершили на рубеже XX века молодые ребята – воины новой России.

Занятная и интересная всё-таки жизнь у человека. Её повороты случаются очень крутыми и неожиданными. Живёшь, планируешь что-то на будущее, и вдруг такой неожиданный поворот, с заносом, и всё задуманное летит в тартарары. Или живёшь – катишься по гладкой дороге», не обращая внимания на всевозможные неприятности, потому что знаешь: то, что ещё не случилось, должно обязательно произойти, и ты ещё обязательно должен сделать что-то такое, к чему еще не приехал.

Я, как любой мальчишка – сын военнослужащего и житель маленьких военных городков, всё своё «босоное» детство проводил в поисках приключений. Пока наши отцы день и ночь находились на службе и отдавали долг Родине, а матери работали и вели домашнее хозяйство, мы с друзьями ежедневно изучали окрестности наших населённых пунктов. Леса и огороды, речушки и озёрца, стрельбища и полигоны – все эти территории становились после их открытий полноправными завоеваниями мальчишек семи-тринадцати лет, «вооружёнными до зубов» рогатками и самострелами. В то время мы все стремились быть похожими на героев фильмов «В зоне особого внимания» и «Ответный ход» и втайне мечтали пусть не сейчас, но через какое-то время совершить подвиг. А врагов тогда было много – благо наша советская политическая пропаганда с экрана телевизора посредством первого и второго каналов нам на них чётко указывала – это и китайцы, это и наговцы всех «мастей и наций», это и внутренние враги из числа всяких шпионов, антисоветчиков и уголовников. Патриотизм в нас впитался, как говорится, с молоком матери, и все мы готовились стать защитниками Родины.

Своё будущее я всегда представлял ясно и чётко – в сапогах и погонах. Однако, увы, в суворовское военное училище после восьмого класса средней школы не поступил. В военное училище – Свердловское политическое – первые две попытки тоже оказались неудачными. Мой отец, конечно, имел возможность пообщаться «кое с кем», однако это было против его жизненного кредо, которое не признавало протекционизм. Он считал, что всего я в жизни

должен буду добиться сам. Ему за время службы много крови попортили политработники, и он говорил, что не хочет, чтобы появился ещё один сволочной замполит. Я сильно тогда переживал эти первые жизненные обломы, а в ноябре 1987 года случилось то, что обычно случается с юношами, не сумевшими поступить учиться в институт, – призыв в ряды Вооружённых Сил. Я со своей командой попал прямиком в бравую Гайжюнайскую учебную дивизию Воздушно-десантных войск. В Гайжюнае было совсем не просто. «Прелести» знаменитой воздушно-десантной учебки пришлось испытать в полном объёме – ежедневные марш-броски различной протяжённости, строевая муштра, усиленная боевая и физическая подготовка, различные наряды и, увы, не всегда уставные отношения. За время нахождения в учебном подразделении я научился водить боевую машину десанта, на себе испытал, что такое прыжок с парашютом из большого Ил-76 и сходжение с другим парашютистом в небе. Когда же настала пора выпускаться из подразделения – большая часть выпуска учебной дивизии пошла, обеспечивать вывод войск из Афганистана, а также гасить назревавшие конфликты на южных рубежах нашей страны в кавказских республиках. Мне не суждено было отправиться после выпуска со своими сослуживцами – я написал рапорт, успешно сдал экзамены и поступил наконец-то в родное СВВПТАУ (Свердловское высшее военное политическое училище имени Л. И. Брежнева). Учился хорошо, с дисциплиной проблем не было. Где буду служить, почему-то особо не задумывался. Только когда пришла пора распределяться, захотелось попасть на флот, на большой корабль. На флот попал, а вот с кораблём не получилось. Ждала меня 61-я Киркенесская бригада морской пехоты Северного флота.

С «распростёртыми объятиями» – дождём и сильным ветром – встретил молодого офицера легендарный посёлок морских пехотинцев Спутник – дальний гарнизон в Мурманской области недалеко от границы с Норвегией. Три года, с 1992 по 1995, прошли через полигоны, марш-броски, наряды, котельные. Хотя в то время подразделения нашей армии, вместе с выполнением своих непосредственных задач, ещё пытались нормально жить. Именно поэтому зачастую работа на нашей котельной и другая хозяйственно-бытовая деятельность была таким же важным элементом жизни бригады.

Посёлок Спутник

Мне и другим молодым офицерам очень повезло, у нас у всех были великолепные боевые учителя, старшие офицеры и прапорщики, которые даже в эти очень непростые для нашей страны и молодой российской армии времена сохраняли преемственность поколений, давали бесценные уроки командирского мастерства руководства армейскими (как я понял позже, и просто гражданскими) коллективами. Серго Арустамян, Михаил Гагин, Дмитрий Коваленко, Владимир Шibaев, Сергей Полонейчик, Владимир Левчук – я безмерно благодарен за те знания и умения, что приобрёл благодаря этим людям, настоящим офицерам. Всё, что они давали нам – молодым офицерам тогда, все их уроки, позже, очень сильно пригодилось.

К 1994 году я уже стал уверенным в себе, физически и морально подкованным офицером, даже с каким-то нарабатанным авторитетом – настоящим морским пехотинцем.

Ну а в конце этого же 1994 года в жизни меня, молодого офицера, произошли события, к которым почти любой военный человек должен когда-нибудь пройти...

Кульминационным этапом моей службы в морской пехоте явилась операция по уничтожению бандитских формирований в Чечне. Каждый раз, возвращаясь к написанным ранее строчкам, хочется добавить что-то новое, что-то такое, залезшее в глубину подсознания и не дающее покоя до сегодняшнего дня, хотя с того времени прошло уже немало лет. И чем дальше летит с той поры время, тем все, что случилось тогда, поступки как свои, так и отдельных людей начинаешь воспринимать по-другому. В том, о чём будет тут написано, в передаче отдельных фактов и ощущений, мне хочется быть честным, прежде всего по отношению к самому себе, и правда, которая будет изложена в этом повествовании, – это правда двадцатилетнего старшего лейтенанта морской пехоты, для кого-то, может быть, обидная, а для кого-то совсем не являющаяся правдой. В то время я воспринимал всё происходившее именно так, как будет представлено ниже.

События, о которых хочется рассказать, происходили зимой 1994—1995 годов. Для морских пехотинцев после перестроечного простоя вновь нашлась боевая работа. 11 декабря 1994 года Президентом России Б. Н. Ельциным был подписан Указ «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». Во исполнение этого указа войсковые части российской армии приняли участие в контртеррористической операции на Северном Кавказе в Чеченской Республике. Естественно, что части морской пехоты, как одни из наиболее подготовленных, также были задействованы. Все: и североморцы, и балтийцы, и тихоокеанцы, а в следующие компании и бойцы с Черноморского и Каспийского флотов, – как и подобает, успешно решали задачи по уничтожению бандитских формирований чеченских боевиков и наёмников.

Для меня, заместителя командира роты первого батальона морской пехоты, всё началось в ноябре 1994 года. В ту пору я был назначен заместителем начальника сборов молодого пополнения нашей бригады – «карантина». Находясь на сборах, мы, офицеры и прапорщики, переживали за наших коллег в десантно-штурмовом батальоне, задействованных в учебно-тренировочных мероприятиях, которые устроило им вышестоящее командование. Командиры и военнослужащие срочной и контрактной службы день и ночь метались, претворяя в жизнь «указы» военных руководителей разного ранга – подъёмы, построения, учебные тревоги и другие мероприятия по боевому слаживанию. «Спи, где стоишь!..» – в том числе и такая команда звучала от командиров для военнослужащих срочной службы, а что делать – нужно было везде успеть.

Николай Климов

Где-то в конце ноября в бригаду стал прибывать транспорт с продовольствием, вещевым имуществом; на доукомплектование «подходил» и личный состав из различных подразделений Северного флота. Официально это называлось «учебно-тренировочные мероприятия в рамках подготовки мобильных сил». Из нашего «карантина» в срочном порядке были отозваны в свои подразделения командиры взводов и сержанты, прикомандированные из десантно-штурмового батальона. Сначала десантно-штурмовой батальон доукомплектовывали силами подразделений нашей бригады, дальше стали приезжать команды с людьми из других частей береговых войск, с кораблей и даже подводных лодок. Уже когда батальон доукомплектовали, то настоящих морских пехотинцев в нем было где-то четверть, а то и меньше от всего личного состава. Параллельно с мобилизационно-организационными мероприятиями в ДШБ стали усиленно заниматься и боевой подготовкой. Задачи на военнослужащих батальона сыпались одна за другой, и надо было всё выполнить и всё успеть. Понаехавшие кураторы из управления береговых войск – «каракулевые шапки», так их прозвали матросы, – не давали расслабляться.

Личный состав нашего «карантина» был тоже вовлечен в эти мероприятия, мы были просто задёрганы различными погрузочно-разгрузочными работами, которые, как правило, проводились по мере прибытия транспорта, а это было в вечернее и даже ночное время. Мальчишкам-новобранцам в этот период досталось по полной программе. Ночные погрузки, наряды по столовой и котельная – было много организационных дырок, которые затыкали готовившимися к Присяге молодыми матросами. Из всей этой круговерти и суматохи рождалось предчувствие чего-то неизбежного и решающего для нашей бригады. Ну а ещё, вдобавок ко всему, телевизор с газетами своими сюжетами и репортажами об усложняющейся обстановке в Чечне постоянно нагнетали градус напряжения, который был присущ тогдашней обстановке в бригаде. Уже были введены в Чечню первые подразделения Вооружённых Сил, на Северный Кав-

каз постепенно прибывали новые воинские части. И никто из нас не верил, что усиленное доукомплектование ДШБ идёт в рамках именно объявленных нам учений мобильных сил. Все понимали, что надо ждать отправки батальона туда, в Чечню. В разговорах друг с другом мы, офицеры, часто задавались вопросом: что в горах будут делать части морской пехоты? Для решения специфических задач внутри страны есть части Министерства внутренних дел (у них же и милиция, и «краповые береты», и омовцы). Ну а в случаях крайней необходимости наши славные братья – «голубые береты» (воздушные десантники) – всегда были готовы помочь справиться с «обыкновенными бандитами и их формированиями».

В начале декабря десантно-штурмовой батальон стали доукомплектовывать ещё и офицерами. Я, честно говоря, не думал, что меня прикомандируют туда – был очень необходим своему родному первому батальону, да и «карантином» с молодыми воинами надо было ещё очень много заниматься, готовить ребят к Присяге.

Где-то в двадцатых числах декабря меня и многих других офицеров бригады вызвали в лекционный зал штаба бригады, где до нас довели, что на время учений мобильных сил все приглашённые на совещание откомандировываются в подразделения нашего десантно-штурмового батальона. Командир бригады в своём выступлении на совещании до всех присутствующих довёл, что не стоит беспокоиться особо, пока ни о какой Чечне и речь не идет, просто к 9 января командование береговых войск Северного флота должно доложить в Москву, в Министерство обороны, что боевое слаживание в батальоне проведено, и где-то 13 января всех должны распустить по своим подразделениям. Однако говорил он про это, скорее, с надеждой, чем с уверенностью, которая всегда была присуща именно этому офицеру. Подполковник Сокушев Борис Филагреевич, наш командир бригады, потребовал от нас, своих подчинённых, серьёзного отношения к выполнению мероприятий по боевому слаживанию и профессионального подхода к выполнению своих должностных обязанностей. Наш комбриг за время службы в части снискал себе славу очень жёсткого командира. Он всегда был очень уверен в том, что делает, и в том, что говорит. Некоторые подчинённые его реально даже просто побаивались. В первый год моей службы мне тоже пару раз от него очень сильно досталось. Командир, всегда уверенный в своей правоте, не принимающий никаких пререканий и, на его взгляд, всяческих безосновательных рассуждений и обсуждений. В словах нашего командира бригады на этом совещании не было прежней уверенности и жесткости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.